

МАКСИМ КАБИР
СКЕЛЕТЫ

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К12

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*
Иллюстрация на обложке: *Алексей Провоторов*

Кабир, Максим Ахмадович
К12 Скелеты / Максим Кабир.— Москва: Издательство АСТ, 2018.— 478 с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-109999-2

Максим Кабир — писатель, поэт, анархист. Беззастенчивый фанат жанра ужасов и мистики. Человек, с рассказами которого знакомы ВСЕ поклонники хоррора. И роман, который сравнивают с творчеством Кинга, Литтла, Лаймона — причем зачастую не в пользу зарубежных мэтров.

Тихий шахтерский городок где-то в российской глубинке. Канун Нового года. Размеренная жизнь захолустья, где все идет своим чередом по заведенному порядку. Периодически здесь пропадают люди, а из дверного глазка пустой квартиры на вас смотрит то, что не должно существовать. Со зловещим скрипом открываются двери здешних шкафов, выпуская на свободу орды припрятанных там скелетов.

И вместе с памятью о невероятной боли — в мир приходит невыразимое Зло.

© Максим Кабир, текст, 2018
© Алексей Провоторов, обложка, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Реальные кошмары и кошмарная реальность

Максима Кабира

Максим Кабир хорошо умеет пугать.

Надо оговориться, что глагол «напугать» изрядно девальвирован, когда речь идет о литературе темных жанров. Мы употребляем этот глагол, чтобы признать: автор преуспел в некоей игре — он выдумывает страшные сущности или обстоятельства, мы в них «верим» и «боимся» их...

На самом деле мы, читатели, ничуть не боимся. Ни того, что из шкафа вылезет какая-то злобная и хищная сущность и начнет нас убивать, пожирать, расчленять. Ни того, что поход за грибами закончится встречей с оборотнем, который украсит лесную полянку нашими кишками и прочими органами. И т. д. и т. п.

Тексты же Кабира реально пугают — причем как раз тем, чем должен пугать настоящий хоррор. Многие начинающие и даже состоявшиеся авторы рекомого жанра не понимают, что главные людские страхи — в головах, а не в монстрах, выпрыгивающих из шкафов. Страшнее всего — та условная и тонкая грань между безумием и нормальной психикой, когда точка сборки уже сдвинулась, но ты еще можешь осознать, что она сдвинулась-таки... Тогда монстры не нужны, до полусмерти напугает что угодно. Ночная бабочка, кружащая вокруг фонаря... или старая книга, отчего-то не занесенная ни в один каталог.

Поймать эту грань, вербализировать так, чтоб читатель сам оказался на грани безумия, — и готов шедевр хоррора. На словах просто, а поди сумей...

Макс Кабир умеет.

Он знает толк в нагнетании безумия. Без голливудщины, без оживших мертвецов и прочих спецэффектов он уверенной рукой вводит нас в абсолютно безумный мир, страшный, нереальный и алогичный, но вызывающий полное доверие.

Безумие в его текстах наползает словно само собой... Из ничего... Из легкой неправильности геометрии пространства... Из тени, чуть-чуть не соответствующей форме отбрасываемого ее предмета...

Кабир умеет показать мир под иным углом. Сдвигает точку сборки — чуть-чуть, совсем немного, — и страшными и опасными начинают казаться предметы и люди, до сей поры мирные и безобидные. «Живые статуи» на улицах европейских городов, например. Или вежливая доброжелательная женщина, сдающая жилье квартиранту... И это реально страшно — потому что жизненно.

Чем еще привлекательна проза Максима Кабира? Да много чем... Например, детальной проработкой матчасти. Если действие рассказа «Пепел» происходит в ГДР времен Штази и Берлинской стены, ни единая деталь не заставляет усомниться и крикнуть, подобно Станиславскому, «Не верю!».

Если речь идет о таинственных делах букинистов (рассказ «Черви») — опять-таки не возникает и тени сомнения, что автор не понаслышке знаком и со старинными книгами, и с их любителями, и с загадками этого внешне неэффектного хобби... Такое скрупулезное внимание к деталям антуража, к достоверности сеттинга, — редкое качество у молодых авторов «темной волны». И оттого вдвойне ценное.

Однако сюжеты Кабира не тонут под тяжестью сеттинга и не рассыпаются (тоже, надо заметить, весьма распространенная беда молодых авторов) — истории, рассказанные им, не отпускают, не позволяют оторваться от чтения до самого финала.

И при всем своем дотошном внимании к достоверности, к деталям и деталькам, Макс почти никогда не грешит ненужными объяснениями и растолковываниями. Не старается натужно вбросить персонажам и читателям информацию, разъясняющую изнанку и подноготную происходящих событий. Не оказывается поблизости от героев «чисто случайно» знаток именно интересующей проблемы, а всезнающий «Гугл» не вываливает оперативно нужную и при этом верную информацию... все как в жизни, где загадки, с коими приходится столкнуться, зачастую так и остаются без разгадок. Все правильно: хорошее добротное безумие всегда иррационально, оно не нуждается в проверке логикой и плевать хотело на наше желание все упорядочить и разложить по полочкам... Тень, чуть-чуть не соответствующая формой предмету... И все, достаточно, эта тень — колодец, куда можно нырнуть и не вынырнуть. А если даже выныриваешь — часть тебя остается там навсегда.

Такое впечатление производят на меня рассказы Кабира. А теперь перед нами новый эксперимент, новая ступень в развитии писательского мастерства, — роман.

Пока не знаю, о чем он, прочту вместе с остальными читателями. Но знаю точно: без порции здорового страха дело не обойдется.

Пугать Кабир умеет.

Виктор Тоцинов

1

В ноябре Андрею Ермакову хотелось кричать и бить кулаком в стену, чтобы костяшки окрасились красным, чтобы с воплем наружу выплеснулась переполняющая его боль и упала на пол отвратительным комком. Или содержимым сырого яйца — вспоминались почему-то бабки, которые яйцом лечат больных. Грязный белок и капля крови в желтке, концентрация болезни. Как дух шева из прочитанной недавно книги о мифологии коми. Червячок, или гусеница, или обычный волос. Воплощение порчи.

Теперь он свыкся с утратой, сроднился с ней. Привет, дорогая, я снова дома, давай пить чай.

Он зажег газ под чайником и устался на синее, трепещущее пойманной синицей, пламя.

Прошло четыре месяца с тех пор как Маша бросила его. Ушла, прихватив заодно лучшего друга. Август и осень — самая длинная в жизни. Он давно не был юношей-романтиком. Знал, что любая боль со временем притупится. И его в том числе. Уже притупилась. Скальпель, полосовавший внутренности

легким порханием, теперь усердно, с нажимом, пилил. Зазубренное лезвие. Память. Сны.

Товарищ Морфей с упорством заядлого садиста крутил неактуальное кино. Сопливаю мелодраму. По-хорошему пора было сменить катушку, внести в сновидения капельку реализма, но там все было розово, карамельно, там Маша гладила Андрея по груди, называла Андрюшенькой и просила никогда ее не оставлять.

Утром нужно было скорее выбраться из пустой квартиры, из руин бывшего уюта, нацепить социальную маску и влиться в ритм города. Работать — Ермаков вел на Третьем канале отчаянно глупую и наигранную передачу про паранормальные явления. Охотники, встречавшие снежного человека, сами от пьянства похожие на йети. Очаровательные бездельники, следящие за небом. Скучающие домохозяйки. И просто наглухо сумасшедшие, заваливающие редакцию безграмотными письмами.

Хмурые северные колдуны изготавливали шеву из черемухи, пепла, сора, жил ящерицы и соснового прутика печной метлы. Оживляли потом заклинаниями и подкидывали жертве в еду. Его персональная шева была слеплена из Машиной улыбки, ее голоса, из шутливых прозвищ, из имен запланированных детей, из восьми относительно безоблачных лет. И немного, для пущих страданий, из крепкого дружеского плеча Богдана.

Чайник засвистел на плите, и Андрей достал из ящичка чашку с изображением мастера Йоды. Подарок Маши.

В сентябре ему хотелось выкинуть все, что напоминает о предательнице. Но в таком случае пришлось бы ютиться среди голых стен. Без мебели, без книг, без обоев. Квартира хоть и была съемной, стала их гнездом, их логовом, крепостью, и каждую мелочь они покупали вместе или друг для друга.

А шева уже завелась здесь, пряталась под абажуром лампы, таилась горошиной под подушками, извивалась, росла. Он не замечал изменений, подслеповатый толстокожий идиот.

Андрей отхлебнул чай и включил ноутбук. Презиравая себя, нашел страницу Маши. Она была офлайн, и это порождало тьму невеселых предположений о том, чем она занята субботним вечером. Запрыгнул на страницу Богдана. Можно одним кликом удалить человека из друзей, но в чертовых снах он твой верный кореш. Богдан достаточно воспитан, чтобы пока не выкладывать фотки с Машкой.

Статус: влюблен. Андрей закрыл вкладку.

Жизнь, точно жулик-гипнотизер, навела морок, ограбила, превратила тридцатилетнего мужика в тряпку, в слабака, который рыдает, наткнувшись на заколки под кроватью. Впереди первый Новый год без нее.

На телефон капнуло сообщение от Амроскина, уфолога-любителя, автора увесистого манускрипта о контактах с пришельцами и обладателя не поддающегося сомнению тихого помешательства. Он выстучал свой труд на допотопной печатной машинке, сшил капроновой нитью и всюду носился с этой безумной даже на вид кипой листов.

Амроскин просил немедленно проверить почту. Андрей поерзал мышкой. К электронному, набранному капсом, письму был прикреплен коротенький видеоролик. Андрей минуту наблюдал за полетом НЛО — на самом деле воздушного фонаря. Инопланетяне были чудом, которого жаждал несчастный девственник Амроскин. Маша была чудом Андрея. После нее, после продлившейся восемь лет вспышки, ему осталось пустое небо. Бумажные подделки под волшебство.

Прав был Бродский. Нет одиночества больше, чем память о чуде. Андрей пожелал Амроскину

никогда не встретить марсиан, лишь надеяться на встречу. Так легче.

Под сенсационной молнией уфолога нашлось еще одно непрочитанное письмо, куда скромнее. Андрей удивился, обнаружив весточку с малой родины.

«Здравствуйте, многоуважаемый Андрей Вадимович»...

«Многоуважаемый», – хмыкнул он.

Естественно, для захолустного городка на двадцать тысяч жителей телеведущий областного канала был настоящей звездой, знаменитостью не жиже столичных селебрити.

«Двадцать девятого декабря в Доме культуры имени Артема состоится первый Варшавцевский литературный фестиваль „Степные строки“. В фестивале примут участие более тридцати Ваших талантливых земляков. Приглашаем Вас стать почетным гостем мероприятия и возглавить конкурсное жюри.

С уважением, член Союза писателей А. Камертон, редколлегия фестиваля, коллектив средней школы № 1, клуб писателей г. Варшавцево».

Губы Андрея растянула ухмылка. А. Камертон – псевдоним Артура Олеговича Мельченко, его учителя литературы. Хорошего человека и отчаянного графомана. Кто еще мог вспомнить, что Ермаков кропал стишки? Даже печатался в газете с чудовищным названием «Рудничок». Мельченко пророчил ему большое литературное будущее. Подразумевал, вероятно, что однажды уступит талантливому воспитаннику свой трон. Трон главного литератора забытой Богом провинции. Завидная должность.

Последний рифмованный катрен Андрей написал лет пять назад. Лирика, посвященная Маше, конечно. С музой они расстались по обоюдному согласию, без слез, без обидных выкриков и битья

посуды. Не вышло из него ни Бродского, ни даже А. Камертона.

И вот, оказывается, есть люди, всерьез считающие, что он наплюет на дела и найдет в плотном графике время, чтобы тащиться черт-те куда, слушать подростковые вирши... Под Новый год...

К письму прилагался файл, Андрей щелкнул мышкой, и в браузере загрузилась смастеренная на коленке афиша, милая и бесхитростная. Заливка градиент, обводка, тень, свечение — все опции фотошопа, позволяющие создать максимально нечитабельный текст. Венчала афишу эмблема фестиваля — чернильница с воткнутым в нее пером.

— Да ладно, — пробормотал недоверчиво Андрей. Внизу шрифтовой каши было набрано:

«Музыкальный подарок от рок-группы „Церемония“».

В голове возник образ Толика, патлатого, тощего, стучащего вязальными спицами по картонным коробкам. Две тысячи первый год, они репетируют в квартире Андриюшиной бабушки: великий барабанщик Толян Хитров и Ермаков, терзающий струны акустической гитары. Провальный дебют «Церемонии» на школьном выступлении. Варшавцево — не тот город, где девушки соблазняются рокерами.

И вот, на тебе, группа, созданная двумя школьниками, до сих пор влачит свое существование, безвестная, но очень упертая.

Андрей понял, что улыбается.

И шева тоже поняла. Крутнулась внутри испуганно. Проголодалась. Крошечная ящерица, уплотнение в районе сердца. Никаких улыбочек. А ну, обратно в свою боль! Шевельнулись ледяные губы незримого колдуна. Зазвонил телефон.

Машенька.

Улыбка потухла, Андрей встал из-за стола, помедлил, рассматривая ее фотографию на экране. Когда-

то они договорились не расписываться до рождения ребенка, так что официально женаты не были. Они не нуждались в регистрации своего союза. И традиции русских свадеб с пьяными бесконечно далекими родственниками, тамадами и ряжеными вызывали у них лишь насмешку. Но после университета они поехали путешествовать по Западной Украине и повенчались в закарпатской церквушке. Живописной, кинематографичной, словно декорации к абсолютному счастью.

Вчерашняя студентка педагогического вуза Маша Аронова улыбалась с фотографии, за ее спиной высился горный пик и синело небо.

Андрей прижал телефон к уху. Впустил ее голос.
— Привет. Я не мешаю?

Правильно выбранный тон. Осторожный, сдержанный, с толикой должного трагизма, как на похоронах.

— Чем ты мне можешь помешать? Я рад тебя слышать.

Время ссор, взаимных оскорблений осталось позади. Кто виноват и что надо сделать с Богданом. А Богдан-то не раз и не два признавался, что влюблен в Машку, взалхлеб восхищался ею, говорил, что не женится, покуда не отыщет такую же. И украл, только подвернулся шанс. Отвоевал у зазевавшегося Андрея право быть счастливым.

— Как ты? — спросила Маша.

Шева мелкими зубами терзала какую-то мякоть под ребрами. Насыщалась.

О чем она спрашивает? Не запил ли он? Не планирует ли повеситься или вскрыть себе вены? Не забывает ли кормить рыбок?

Ему все-таки тридцатник, здоровый мужик, программу вон ведет, пускай и смотрят ее сплошные шизофреники.

— Все круто, не волнуйся,— сказал он, трогая пальцем зеленую морду Йоды.

«Волнуйся, все не круто»,— повторил Йода, мастер инверсии.

— Понравилась твоя новая передача.

Последний выпуск «Мистических историй» был посвящен привидениям старой дворянской усадьбы. В нем нашлось место трем засвеченным фотографиям, УЖАСАЮЩЕМУ шепоту, который наколдовал звукорежиссер, и интервью с подставным потомком графини Анны Топот.

— Шутишь? — спросил он.

— Ты похудел.

«Ты тоже»,— едва не брякнул он. Иногда, подвыпив, Андрей приходил к школе, где она работала. Шел за ней до дома Богдана, прикрываясь едва ли не газетой, как шпион в комедиях.

— Слежу за собой.

— Я рада.

Хотелось одернуть ее: достаточно балагана, показушного чувства вины, аккуратного выбора слов. Этой игры в чужих людей. Алло, Машка! У меня же никого роднее тебя не было!

— Андрюш...— она замялась.

Он ждал. Шева ждала, отлепив зубастый ротик от добычи.

— Я не хочу, чтобы ты узнал от знакомых. Правильнее будет самой сказать...

«Ну же!» — заорал он внутренне. Стиснул челюсть так, что зубы заняли.

Она... она...

— Мы с Богданом распишемся в январе. Без кортежей, без фаты, без всего такого.

Будто это было важно, что она не изменила мнения относительно швыряний букетом.

Шева зачавкала с остервенением. Ящерица его персонального страдания.

— Распишетесь? — спросил Андрей холодно. — Вы четыре месяца...

(*трахаётся*)

...вместе.

— Я его знаю столько же, сколько тебя, — ответила Маша.

Внезапно ему захотелось, чтобы было еще хуже. Безвозвратно хуже. Чтобы шарик отчаяния, разбухающий с августа, лопнул, и ничего не осталось.

— Это не всё, — сказала Маша.

Он зажмурился: вот оно. Сейчас она скажет слово, заветное слово. Я...

— Я беременна.

— О, — сказал он.

Тяжело сел на стул.

Четыре года они пытались завести ребенка. Мальчика Никиту или девочку Веронику. И позвать Богдана быть крестным папой.

— Какой срок?

— Одиннадцатая неделя.

«В сентябре, — подумал он. — Через месяц».

Он кивнул. Оглядел кухонную утварь, часы, магниты на холодильнике, привезенные с юга. Ракушки и дельфинчики их умершего моря. Бедного моря в черных нефтяных пятнах.

— Андрюш?

— Богдан будет отличным отцом.

Он не кривил душой. Было бы чем кривить! Он ощущал лишь усталость, пустоту, апатию. Боль исчезла. Шева убралась, доев, слизав крошки. Прожорливого духа больше не интересовала выеденная оболочка.

У Маши и Богдана родится ребенок.

У завязатого холостяка Богдана будет семья — вы не шутите?

— Ты действительно так думаешь?

— Я желаю вам счастья,— произнес он и поморщился. Неискренняя и дешевая реплика. Из набора постановочных передач Третьего канала.

— Позвони мне на днях, хорошо?

— Хорошо.

Он отключился. Взял со стола чашку. Не было никакой потребности разбивать ее, но он посчитал, что это будет уместный жест. Зеленая физиономия Йоды разлетелась на части. К ногам посыпались осколки.

— Вот так,— подытожил он,— вот так.

Толкнул мышку, и экран засветился. Зажглась дурацкая афиша «Степных строк». Она радовала уже тем, что никак не ассоциировалась с Машкой.

Опять запиликал телефон.

— Я занят,— прошептал он,— я страшно занят.

Звонивший был настойчив, как группа «Церемония».

— Амроскин...— пробормотал Андрей, поддвигая мобильник.— Надеюсь, тебя похитили пришельцы, Амроскин.

— Эндрю, Эндрю,— зачастил в трубку спец по тарелкам,— ты посмотрел, а? Что скажешь? Разбогатеем мы на этом материале?

— Херня, Амроскин,— промолвил Андрей, очерчивая курсором логотип литературного фестиваля.

— Но...

— Слушай, Амроскин. Ты чем на праздники занят?

Ответ был очевиден: уфолог проведет их, как и предыдущие Новые года, уплетая мамин салат оливье. Толстая угреватая белка в колесе пущенного по кругу сериала «Секретные материалы».

— Да ничем таким.

— Я тебе, Амроскин, ключи дам. Покормишь моих рыбок.

Толя Хитров приподнялся со стульчика и завершил партию перекрестной игрой на тарелках. Лихо прокрутил палочки между пальцев и только потом посмотрел на ребят. Кеша и Паульс ухмылялись, довольные, а Платон, вокалист, сосредоточенно пролистывал потрепанный блокнот. Читал рукописные тексты, написанные шестнадцатилетним парнишкой.

— Ну, — вынес он вердикт, — неплохо.

— Неплохо? — хохотнул Хитров, утирая лоб ветхой футболкой. — Андрюха Ермак был гением. И есть.

Платон завистливо промолчал. Полгода назад Хитров воскресил группу из мертвых, раскопал условную, как в кинговской «Темной половине», могилу, прочитал нужные заклинания. Подергивания окоченевших лапок поначалу казались гальваническими, ложными сокращениями мышц. Но он приложил усилия, нашел единомышленников. Тех, кому, как выразился бы басист Паульс, «по приколу». По приколу лабать старомодный рок в городке, никак не приспособленном под такие цели.

«Церемония» была слеплена из троих студентов техникума и одного тридцатилетнего неудачника. Двадцать девятого числа это чудовище Франкенштейна выберется на провинциальную сцену, и станет ясно, живо оно или нет.

— Кайф, — просиял Кеша, закрыв ладонью струны. — Вот это поэзия, Платоша, а не то дерьмо, что ты нам носишь.

— Пошел ты, — фыркнул вокалист.

Платон был неплохим парнем, талантливым, с рок-н-рольным вокалом и правильной хрипотцой. И стихи его, пусть слегка наивные, транспарантные, под Кинчева, иногда сверкали удачными строками и самобытными метафорами.

Хитров мысленно нарек музыкантов «молодняком». Жена ворчала: что ты возишься с пацанами? Своего ребенка мало? Он боготворил Юлу, но и «Церемония» была его дитем, пусть косым да горбатым. Посигналила из сырого чернозема будней: раскапывай меня, папка. Пора.

— Не обращай внимания,— сказал Хитров приунывшему вокалисту.— Твой «Марш» — бомба.

Он знал, что на грядущем фестивале Платон будет участвовать и в роли поэта.

— Так что, братва,— окликнул Хитров парней. Те уже надевали шапки и обматывались шарфами. Навьючивали гитарные кофры.— Берем эту телегу?

— Спрашиваешь,— сказал Платон.

— Без базара,— поддакнул Паульс.— Откатать еще надо.

— Откатаем.

Они обменялись рукопожатиями. Кеша и Паульс покинули обвешанную плакатами и вымпелами репетиционную базу. Платон топтался на пороге, тербил в руках перчатки.

— Толь,— произнес он робко.— Я тут новый текст набросал, глянешь дома?

— Ага!

Платон вручил товарищу сложенный пополам листочек и ретировался.

Размышляя о выступлении, Хитров сдвинул к стене стулья, накинул куртку. Бережно спрятал в рюкзак тетрадку со стихами Ермака. Каморка, в которой музицировала «Церемония», находилась над актовым залом, на чердаке. Дом культуры любезно предоставил группе уголок: Хитров был здесь